

Л.М. Баткин

НЕСКОЛЬКО НУДНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ В ОТВЕТ НА УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ "ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ"

Итак, сначала А.Л. Юрганов постулирует химеру всевременной "русской культуры" как "метафизической целостности".

Что в данном случае значит "метафизичность"? По замыслу организатора "круглого стола" этим словечком должно быть, нет, ничуть не разъяснено и не доказано, но скорее освещено **"нечто, что не изменяется"**. Это некая непреходящая, равная себе, т.е. **надьсторическая**, сущность русской истории и культуры.

В последнее время люди менее ученые называют ее, как известно, проще, хотя столь же загадочно и невнятно "русской идеей". Или - издавна - "русской душой"? Или более модно и внушительно: это во веки веков воспроизводящий русский "менталитет" (общинный, коллективистский, холопский, бунтарский, имперский?). Во всем этом есть, как всегда в таких случаях, известная доля правды. Например, в том, что касается замедлений, откатов и провалов в процессах модернизации России. Под впечатлением событий последнего десятилетия, естественно, обостряется внимание к инерционному моменту в русской истории. Но тем опасней и ошибочней, по-моему, подмена этой долей правды и мистифицирование действительной, полной и несравненно более сложной, динамической картины, которая охватывала бы конфликтность и неоднозначность исторического движения нашей страны, как и любой другой страны. Вот дрогнули, однако, уже не публицисты, а некоторые думающие профессиональные историки. Что, по-моему, очень странно и грустно.

Увы, в данной ситуации звучит иронически и подобна ножику, на который вроде бы оскользнулся царевич Димитрий, ссылка на "выдающегося историка России А.А. Зимина", который утверждал, что "научное творчество должно начинаться с источника, а завершаться обобщением..." Что до "русской культуры вообще" как долженствующей работать универсалии, то любого соприкосновения с источниками, взятыми из разных эпох, она не выдерживает. Поэтому лучше бы самоубийственной отсылки к Зимину здесь не было.

Притом коллега Юрганов, разумеется, не может не понимать "трудно разрешимой загадки" при переходе от реальной истории самоизменений русской культуры к "детскому вопросу", "что же тогда в ней неизменного". И ... готов "не получить никакого отчета ... С одной стороны, конечно, всю русскую культуру невозможно измерить, ощутить, понять. В ней можно только быть, понимая, измеряя, ощущая ее".

Что означает подобная риторика, мне невдомек. Выходит, что прежде всего "понимать", изучать историю России можно только живя, бы-тийствуя в ней. А историей, скажем, Италии я вправе ли заниматься без того, чтобы "быть" в ней? Или сие касается лишь России и соответст-

венно зарубежных славистов? Коли же это парафраз знаменитой сентенции Тютчева, то поэт по крайней мере жестче. У А.Л. Юрганова Тютчев осторожно разбавлен, ведь добавлено и "понять", и "измерить". Ибо, если "умом не понять" и в "метафизическую целостность" русского духа можно только верить, то историку тут вообще делать нечего.

Почему же прекрасный историк А.Л. Юрганов не решается сразу заговорить не о какой-то "метафизической", но об исторической, т.е. реальной и системной целостности "русской культуры на протяжении пресловутого "тысячелетия" - от Владимира Мономаха до Иосифа Бродского? Потому что без терминологической мистификации слишком заведомы абсурдность и сугубо идеологическая предвзятость поисков того, чему надлежит оказаться инвариантным - начиная с глубокой архаики, со времен, когда, между прочим, до появления "русских" было еще очень далеко, и кончая ... допустим, нынешним нашим спором в альманахе "Одиссей". Очень быстро выясняется, что Андрей Львович, автор интересной книги о том, что смысловые основания русского средневековья были устроены радикально иначе, чем вся последующая культура страны, теперь, напротив, увлечен поисками "относительной неизменности".

"{...} Даже тогда, когда очевиден неверный путь".

Я не согласен ни с одним словом А.Л. Юрганова, но мне кажутся важными (ибо симптоматическими) горячо завладевшая им умственная сбивчивость и тревога. В них отразилась кризисность современного отечественного сознания.

Я думаю, что к понятию "метафизический" - если, конечно, применять его не религиозно и не мистически, и не в одном из специальных философских значений, но вот так, скорее метафорически - уместно прибегать лишь в тех случаях, когда мы оказываемся на таинственных границах человечески конкретного и постижимого с онтологической и познавательной бесконечностью. О бесконечном невозможно не допытываться, но оно - как раз то, что по определению не дает нам ответов. Собственно, его положительная бродильная смысловая функция именно в этом и состоит. Ибо на вечно творимый заново мир конечных смыслов ложится тень парадоксально необходимой для самого существования этого мира и поэтому неустранимой огромной бессмыслицы.

Для современного отдельного человека - это тайна появления его "я", жизни и смерти индивида во Вселенной. Для истории же конкретных человеческих обществ, стран, народов, культур - это в целом феномен разумной жизни на Земле, его уникальность, проблемы всемирности истории, детерминизма и свободы воли в ней, может быть исторического синтеза, эволюции и места протекшей истории в ее эвентуальном целом. Короче, философские и методологические закраины достоверного исторического знания.

Что до "русской культуры" (как и любой другой), то у конкретного идеографического понятия, на мой взгляд, нет и не может быть никакого особого "метафизического" измерения. Вопросы хронологического

начала "русскости" как таковой, ее связных этапов, моментов преемственности и дискретности в ней, хода радикальных перемен, соотношения с другими локальными культурами и пр., а в итоге возможностей и временных границ ее своеобразия, типологических определений - ведь это вопросы исключительно исторические, предметные. И нет никаких иных способов отвечать на них, кроме сугубо и строго исторических же.

А.Л. Юрганов ссылается на непрерывность существования языка и общины. Что ж, пусть лингвисты напомнят, когда сформировался именно русский язык как таковой, тем более литературный язык. А историки социально-экономических структур пусть уточнят, действительно ли и родоплеменная, и соседская, и крепостная, и пореформенная община, и, наконец, уж точно ничего общего с ней не имеющие советские колхозы - это звенья непрерывной целостности. Не говоря уже о региональных особенностях поморского Севера или Сибири.

Притом разве речь прежде всего идет не о сугубо городской, дворянской и затем интеллигентской, не о "великой русской культуре" XIX-XX вв. с вполне европейской динамикой ее жанров и поэтик? Она-то в отличие, допустим, от деревенской и фольклорной линии, от русской азиатчины, каким образом могла бы скрепляться в некую целостность историей поземельной общины?

По моему весьма тривиальному представлению, одно дело - прото-русская (равно и протоукраинская) культура Киевской Руси. Стадиально она более или менее близка к западной культуре раннего средневековья (с некоторым отставанием по времени, скажем, от Мерovingов и Каролинггов). Варварское язычество плюс поверхностная византийская христианизация.

Совсем иное дело и, в общем, новый сюжет, раскручивающийся по новому кругу - культура Московской Руси и прочих сопредельных княжеств. Пауза и влияние татаро-монгольского ига, сильное, хотя искаженное, эхо павшего византизма, исихазм, роковая коллизия Москвы и Новгорода, начало русского царизма и безудержной экспансии на Восток и отчасти Юг. Словом, зрелое русское средневековье особенно XV-XVII вв. с упадком городских и крестьянских вольностей, проблематичным книжным влиянием Киева и Львова, странной никоновской "реформацией" навыворот, сравнительно с европейским протестантизмом.

Нелегко обрисовать всю эту быстро сдвигающуюся ситуацию как локальную цивилизацию, как культурную целостность. Непросты вопросы исторической типологии и влияний. Но все же такая универсалия, очевидно, органична, возможна и согласуется с разноликой логикой исторических процессов.

И наконец, совсем уже иное дело - трехвековая (и не довершенная до сего дня) история втягивания России (а впоследствии всех остальных) во всемирный процесс вестернизации. Думаю, **своеобразная русская культура в качестве проблемы для себя и историко-теоретического понятия возникает, собственно, лишь тогда, когда начинает драма-**

щически встраиваться в новоевропейский (тем самым всемирный) контекст. Мы, нынешние, восходим к переломной и парадоксальной петровско-екатерининской модернизации XVIII в. Или еще тесней и ближе - к Карамзину и Пушкину. "Русская идея" не случайно впервые стала предметом рефлексии у Чаадаева. Тут ничего оригинального я лично сказать не в состоянии. России было суждено, благодаря особой геополитической близости к "Западу", оказаться первым и классическим сценарием вестернизации. Ее западные соседи - Польша, Чехия и пр. - стали просто частью "Запада", на худой конец, его окраиной. Ее восточные и южные соседи гораздо дольше оставались и кое-где до сих пор остаются чистейшим "Востоком".

А вот что, кажется, еще недостаточно проработано с логико-культурной стороны. "Русская идея" изначально не совпадает с собой и глядит на себя самое со стороны. Она, повторим, состояла - и состоит поныне - в необходимости встроиться в ход всемирности. Между Сциллой традиционалистского изоляционизма в Харибдой внешней подражательности. Найти свой голос в хоре, свою органическую и оригинальную всеобщность. Это не локальная и, если угодно, не просто национальная "идея", это один из сложнейших узлов мировой истории.

Такая проблема вовсе не свойственна нам одним. Но нам она свойственна, конечно, по-своему. Уместны сравнительно-исторические анализы на материале Японии, Индии, Турции, латино-американских стран. И даже в пределах Западной Европы (например, крайне интересно сопоставление с Испанией).

Русские сознают себя в качестве таковых, лишь глядясь в новоевропейское зеркало. Образованные русские одновременно видят русское в себе, будучи европейцами, со стороны Европы и видят европейское в себе извне, со стороны России, где "золотая дремотная Азия опочила на куполах". Однако эта двойственность не симметрична и не равновесна. Отсюда эпизодичность и ложность евразийства. Оппозиция "Запад/Восток" возникает только на "западной" почве. Способность видеть себя со стороны, не совпадать с собой - фундаментальное и системообразующее качество именно европеизма.

Поэтому быть русским - значит быть европейцем на пределе европейского, европейцем вдвойне. И быть европейцем в России - значит проблематизировать и с величайшим драматизмом обдумывать свою русскость, быть русским вдвойне.

Подробности слишком известны. Небывало промежуточное положение России, проблема "почвы", т.е. разрыва высокой и низовой культур, "отставание" как источник всяческих комплексов, но и как основа своеобразных "опережений" в последней трети XIX и в первых трех десятилетиях XX в. (когда в искусстве особенно поразительно сказалась авангардность русской культуры как результат ее сверхевропейской предельности). А затем - единственный в своем роде революционный тупик, деформация социалистической идеи на традиционалистской российской почве. Попытка антизападного державничества и агрессивного

изоляция не могла стать ничем иным, как крушением культуры в качестве русской.

Подавая крайне схематическую реплику, я был бы готов к любым профессиональным возражениям и углублениям. Кроме трех пунктов, на которых хотелось бы настаивать. Повторяю их еще раз.

Во-первых, этот наш фантастический спор, сознаем, столь же естественный для сегодняшнего состояния умов, сколь и карикатурно запоздалый на рубеже XX-XXI вв. Пытаться, словно от нуля, понять, кто мы здесь в России такие и в чем "идея" русской культуры! Этот спор так или иначе должен держаться как можно дальше от "патриотических" идеологических заносов и клише, от "мифов" и риторики. Я в качестве члена редколлегии "Одиссея", его читателя, историка и человека, не совсем чуждого политике, ожидаю от оппонентов логической взвешенности и беспристрастности.

Во-вторых, русская культура особенная, но ничуть не более особенная, чем немецкая, китайская или северо-американская. Ее серьезный анализ возможен лишь без мистических придыханий и во всемирном сравнительном современном контексте.

В-третьих, русская национальная культура, подобно другим национальным культурам, возникла на переходе от позднего средневековья к новому времени, и распространять поиски ее своеобразия в глубь более отдаленных веков непродуктивно. Д.С. Лихачев как-то заметил, что между русской средневековой культурой и европейскими средневековыми же культурами несравненно больше общего, чем между средневековьем и культурой более поздних времен, включая особенно XX век. Ну, конечно же! Разрывы по временной вертикали куда существенней различий по горизонтальной синхронии. Все же история — это ИЗМЕНЕНИЕ. Что кажется самоочевидным и ясным. Поэтому важны не столько поиски отдаленнейших генетических корней, закопанных где-то в средневековом менталитете, сколько сопоставление разных вариантов на более или менее одном всемирно-стадиальном и системном уровне.